

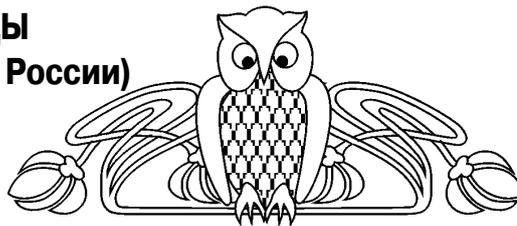
- ¹⁴ См.: Описание документов и дел архива Синода. Т. 1. СПб., 1868. Стб. 464.
- ¹⁵ См.: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9, вып. 1. М.; Л., 1950. С. 106.
- ¹⁶ В царствование Анны Иоанновны все издания книги Пуффендорфа изъяли у частных лиц.
- ¹⁷ См.: *Штелин Я.Я.* Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 2. М., 1830. С. 30–31.
- ¹⁸ См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 282, 283.
- ¹⁹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1876. Т. 4. С. 207.
- ²⁰ Цит. по: *Пекарский П.П.* Указ. соч. Т. 2. С. 319.
- ²¹ См.: *Архангельский А.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1883. С. 209.
- ²² См.: *Западов А.В.* Русская журналистика XVIII в. М., 1964. С. 8.
- ²³ См. подробно: *Западов А.В.* Указ. соч.; Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2. М., 1987.
- ²⁴ ПСЗ. 1 собрание. Т. IV. 1830. С. 201. № 1921.
- ²⁵ См.: *Западов А.В.* Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ Цит. по: *Андарюков В.Я.* Указ. соч. С. 70.
- ²⁷ См.: *Кузьмина В.Д.* Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. М., 1948. С. 8.
- ²⁸ Там же. С. 9.
- ²⁹ Там же. С. 10.
- ³⁰ *Мальшинский А.* Первый русский репортер // Исторический Вестник. 1886. № 5. С. 387–391.
- ³¹ Во время длительных поездок царя сопровождала походная типография. В персидском походе 1722 г. типография печатала манифесты на турецком языке.
- ³² См.: *Быкова Т.А.* Из истории русского книгопечатания начала XVIII века // Книга. Исследования и материалы. Сб. IX. М., 1964.
- ³³ Мастер-гравировщик.
- ³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. VII, вып. 1–2. М.; Л., 1948. № 2723–2726 и 2734.
- ³⁵ См.: *Западов А.В.* Указ. соч. С. 12.
- ³⁶ *Кузьмина В.Д.* Указ. соч. С. 11. Возможно, надпись сделана на номерах, которые отсылались для предварительного просмотра Макарову.
- ³⁷ Наказ Екатерины II Комиссии о сочинении проекта нового Уложения: В 144 т. // Сб. РИО: В 114 т. Т. 9. СПб., 1872. С. 146.

УДК 94(47+57).06+929 Левек

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П.-Ш. ЛЕВЕКА (проблема «цивилизации» России)

Э.В. Ильиченко

Институт истории и международных отношений
Саратовский государственный университет
E-mail: coursisitca@rambler.ru

В статье рассмотрены общественно-политические воззрения одного из ярких представителей эпохи французского Просвещения, историка России П.-Ш. Левека. Большой интерес представляет анализ взглядов Левека на наиболее острые вопросы государственного и общественного устройства России XVIII в.: времени правления Петра I и Екатерины II. В ходе рассмотрения темы были сопоставлены суждения французского историка с идеями одного из ведущих философов эпохи Просвещения Д. Дидро.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, цивилизация, общественно-политические взгляды, реформы, Левек, Дидро.

The Socio-Political Views of P.-Sh. Leveque (Problem of Russian «Civilization»)

E.V. Ilichenko

In the article deals with socio-political views of one of brightest representatives of the French Enlightenment era, the historian of Russia P.-Sh. Leveque. The great interest is the analysis of the views by Leveque on the most urgent problems of state and public arrangement of Russia of the XVIIIth century: the reign of Peter I and Catherine II. In considering the topic judgments of the French historian with

the ideals of the one of the leading philosophers of the Enlightenment era, D. Diderot were compared.

Key words: enlightenment era, civilization, socio-political views, reforms, Leveque, Diderot.

Тема «цивилизации» России неразрывно связывалась зарубежными авторами XVIII в. с оценкой преобразований Петра I. Размышления по поводу времени правления царя-реформатора и его преемников явились составной частью общественно-политических взглядов Пьера-Шарля Левека.

П.-Ш. Левек (1736–1812) – французский ученый эпохи Просвещения. Его многотомная «Российская история» – фундаментальный труд, ставший классическим уже при жизни автора и положивший начало научному изучению русской истории во Франции. «История» Левека пользовалась популярностью и у российских читателей.

Известно, что на рубеже 1750–60-х гг. в среде просветителей определились две полярные точки зрения в оценках преобразовательной политики Петра I – их сформулировали Вольтер и

Руссо. Рассматривая общественно-политическое развитие в XVIII в., Левек стремился избегать крайностей. Французский историк придерживался умеренных взглядов в оценке петровских реформ. Есть основания утверждать, что позиция Левека в этом вопросе переключалась со взглядами Д. Дидро.

Сравнивая основные пункты преобразовательной программы «цивилизации» России, отраженные в *росси́ке* Дидро¹, с материалами двух заключительных томов «Российской истории» Левека, посвященных XVIII в.², можно найти множество сходных суждений. Оба мыслителя были едины во мнении, что для прогрессивного развития любого общества необходимы три главные составляющие: общество свободных людей, законодательное ограничение деспотизма верховной власти и наличие третьего сословия.

Надежда на достижение этих условий связывалась Левеком с самим ходом истории. Французский историк уповал не на насильственно насаждаемые законы, не на наносное, заимствованное просвещение, а на монарха, который постепенно подведет страну к отмене деспотизма и крепостничества, изменит форму правления и создаст гражданское общество. Левек выступал за медленные преобразования в России с постепенным оформлением в ней третьего сословия. Так, он делал акцент на добрый пример государя, который сначала «дарует свободу самым богатым крепостным и образует третье сословие, затем объявит свободными всех государственных крестьян, подтолкнет тем самым господ последовать своему примеру»³.

Как известно, Дидро также не терял веры в просветительский идеал монарха – борца с варварством и невежеством, законодателя, заботящегося о благосостоянии и покое народа. По его мнению, медленное развитие общества могло быть ускорено «мудрыми законами и учреждениями» просвещенного монарха, созданием более совершенного кодекса законов. Он настаивал на необходимости постоянной законодательной комиссии при государе, что привело бы к законодательному ограничению прав верховной власти. «Когда государь уступает часть своей власти, – пояснял Дидро, – такая уступка с течением времени становится существеннейшим и важнейшим законом государства... Посягательство на эту уступку рассматривается как первый шаг к деспотизму, уничтожение же её есть последний шаг по этому пути, свидетельствующий о близкой гибели империи...»⁴. Таким образом, Дидро предлагал исключить любую возможность оформления деспотизма. Но на его взгляд петровское время к этому не располагало. Дидро также уповал на деятельность представительского органа, который в случае пресечения династии должен был передать право избрания монарха законодательной комиссии⁵. Он с грустью отмечал отсутствие в России XVIII в. политической преемственности

между монархами: каждое новое правление отрицало предыдущее⁶.

Оба философа сходились во мнении о необходимости постепенного отхода от деспотической формы правления и упразднении крепостного права – явных факторов, препятствующих осуществлению плана цивилизации России. О постепенности формирования свободного общества Левек говорил еще в своем раннем философском произведении «*Размышляющий человек*»: «... не иначе и не прежде, как по прошествии некоторого времени, народы, привыкшие к рабству, могут сделаться способными к вольности»⁷.

Находя путь европеизации универсальным для всех народов, оба мыслителя считали, что Петр I в целом своими реформами направил русских по верному пути: «Коль скоро то, что Петр I ввел в Россию, было хорошо в Европе, оно было хорошо повсюду»⁸. Но, главное, по мнению Левека, что мог сделать Петр I, это принудить помещиков к освобождению своих крестьян, оказав тем самым «большую услугу человечеству», для чего ему «были бы необходимы максимум его власти и страха, который он внушал». Вместо этого император усугубил положение – «стиснув оковы рабства введением подушной подати и рекрутскими наборами»⁹.

С середины 1760-х гг. Дидро много читал, беседовал о России. Первые оценки реформ Петра I Дидро, как выяснил Д. Годжи¹⁰, высказал в отрывке о России первого издания «*Истории обеих Индий*» Г.Т. Рейналя (1770)¹¹. Но окончательно суждения Дидро были сформулированы в основных положениях отрывка «О цивилизации России», помещенном в третьем издании «*Историй обеих Индий*». Читателям был показан длительный и сложный путь приобщения Российской империи к цивилизации, каким его видел французский философ¹².

В глазах Дидро Петр I оставался деспотом, как, впрочем, и все последующие русские монархи, включая Екатерину II¹³. «Самовластный деспотизм» Петра последовательно осуждался Дидро, который считал, что императору «... едва ли удалось издать хотя бы два или три закона, не отмеченных отпечатком жестокости, и это несмотря на славу и титул законодателя. Его не видели поднявшимся до сочетания блаженства народа своего с личным величием. После его великолепных установлений нация продолжала томиться в бедности, рабстве и угнетении»¹⁴. Эта характеристика, казалось бы, свидетельствующая о критическом, даже отрицательном отношении к «цивилизатору» России, не отражала тех смешанных чувств, которые испытывал Дидро. Главным из них было удивление «от той скорости, с которой всё было проделано, и масштаба личности» императора¹⁵. Французский философ не отказывал в уважении «законодателю России» и отдавал должное гению Петра I, неоднократно ставя его в ряд великих монархов¹⁶. Но философ не видел

в нем реформатора, принесшего пользу своему народу. Просветитель не исключал возможности возвращения страны в её дореформенное «варварское» состояние, учитывая, что русская цивилизация имела свою специфику: она строилась на зыбкой основе – воле царя-деспота. А деспот, в понимании Дидро, «управляющий по своему свободному усмотрению, будь он даже лучший из людей, совершает преступление. Он – добрый пастырь, который низводит своих подданных на положение скота, заставляя их забыть о чувстве свободы»¹⁷.

Как и Дидро, Левек отвергал вольтеровскую формулу Петра I – «творца новой нации». Автору «Российской истории» также была близка идея органического развития, но она была развита Левеком несколько иначе, чем у Дидро, скорее, как продолжение высказанной в *Энциклопедии* мысли о преемственности древней и преобразованной Петром России. Европеизация России, её путь к просвещению представлялись автору как естественное продолжение процесса, начавшегося в XVII веке.

На страницах «Российской истории» Петр I лишь изредка удостоивался эпитетов «герой», «великий человек», оставаясь для автора деспотичным правителем¹⁸. Следует оговориться, что, сравнивая тираническую и деспотическую формы правления, Левек однозначно отдавал предпочтение последней: «...деспот может быть добродетельным, – писал Левек, – он может обливаться собственными слезами те оковы, в которых содержит своих подданных, связан будучи и сам ими по непреодолимой необходимости. Вы можете в нем видеть сердобольного отца, окруженного своими детьми...»¹⁹. Тирания, в качестве крайнего варианта абсолютной, бесконтрольной власти, отталкивала Левека: «Не надобно смешивать тирана с деспотом, – говорил он, – потому что первый всегда есть чудовище...»²⁰.

Левек пытался сгладить общий тон суждений Дидро о Петре I, стремясь перенести акцент на историческое предназначение царя-реформатора. Французский историк-моралист разделял безграничную веру просветителей в прогресс и мнение о том, что каждая страна идет к нему своим путем, преодолевая определенные этапы. Одним из таких этапов на пути строительства «новой России» была в глазах автора эпоха Петра I. Своего рода оправданием русского варианта деспотизма было для историка то состояние русского общества, которому была необходима сильная и властная рука, способная управлять непросвещенным народом, отягощенным многими суевериями и предрассудками.

Левек должен был констатировать ошибочность избрания пути поверхностного заимствования и подражания европейским странам, невозможность одномоментной адаптации готовых западных образцов на русской почве, считая несовершенной саму западную культуру²¹. Фран-

цузский историк воспринял мысль философа Э.-Б. Кондильяка, утверждавшего, что вместо того, чтобы заставлять русских быть похожими на соседние «развращенные и плохо управляемые нации», следовало бы сделать так, чтобы они походили только на самих себя, и «пусть они превзойдут другие народы»²². Подражание, по мнению Левека, было несовершенным уже потому, что заставить русских походить на другие нации, можно было, поставив их в подобное другим положение. Свободу, как основную составляющую Просвещения, французский историк видел в образе «света, разливающегося мало помалу по всей Европе», который «должен, наконец, изжить деспотизм в тех самых странах, где он, по-видимому, крайне глубоко укоренился; потому что просвещение есть товарищ свободы...»²³.

Левек не мог принять суждений подобных тем, что «русские были цивилизованы Петром». На это заявление французский историк мог бы дать свой ответ: Петр «скорее... показал им дорогу, по которой они пошли сами, несмотря на правление этого государя»²⁴. Данное высказывание свидетельствует о том, что Левек невысоко оценивал роль Петра I как цивилизатора России.

Дидро даже считал, что время правления Петра I было препятствием на пути подлинной цивилизации страны, рассматривая реалии российской действительности XVIII в. как последствия неудачных проб и ошибок Петра I. Скептически оценив приемы преобразований, проводимых Петром, он заявил, что царь, цивилизуя Россию, оставил её «без законов, без свобод, без населения и промышленности»²⁵.

Левек разделял суждения Дидро о сущности и методах цивилизации. Несмотря на видимый прогресс, цена, заплаченная за него русским народом, для Левека была слишком высока, так как измерялась тысячами человеческих жизней. Историком была высказана парадоксальная мысль: «возможно, если бы Петр не правил, русские были бы сегодня тем, что они есть, и, может быть, даже лучше, чем они есть, если только непредвиденные препятствия их не остановили бы»²⁶.

Сходясь с Дидро во мнении о возможности постепенной «цивилизации» России, французский историк, скорее, принимал отрицательную оценку Петра I как цивилизатора, при этом не меняя своего изначально высокого мнения, как о незаурядности дарований императора, так и о творческом потенциале русского народа. Левек считал несправедливым замечания посещающих Россию европейцев, которые порицали русский народ за то, что «он на них не похож. Родясь и старея в крепостном состоянии, русский крестьянин, как будто бы отчужденный от самого себя, кажется апатичным, но рассмотрите его повнимательнее, и вы признаете, что он и расторопен и понятлив, а эти два качества ведут ко всему»²⁷. В подтверждении своей мысли Левек приводил ряд имен высоко одаренных русских людей,

прославивших свою страну в Европе, среди них: М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, А.П. Шувалов, И.П. Кулибин и другие. Левек утверждал, что для полной реализации способностей русским не хватает лишь свободы, достижение которой тормозится царящими в Российской империи крепостным правом и деспотизмом.

Подобно Вольтеру, Монтескье и другим представителям старшего поколения французских просветителей, Дидро, а за ним и Левек отдавали предпочтение мирным реформам, проводимым по воле монарха. Прогивник революционных переворотов, Дидро одну из своих петербургских заметок специально посвятил вопросу о том, какими мерами можно предотвратить революционный взрыв²⁸. Хорошо понимая реальные причины потрясений русской истории XVIII в., французский мыслитель довольно точно представил их и движущие силы переворотов: несовершенство существующего законодательства, недовольство знати и наличие гвардейских полков в столице²⁹. Отсутствие строгого порядка наследования престола было отнесено Дидро к числу коренных недостатков русского законодательства и признано одной из главных опасностей общественного строя. Петровский закон о престолонаследии, позволявший правящему государю распоряжаться властью по своему усмотрению и передавать её тому из детей, кому он хочет, Дидро считал источником раздоров в царской семье и «сомнений для нации»³⁰. Также Дидро считал реальной угрозой для престола недовольство приближенных государя, «знатных семей». Стабильность аристократии, благосостояние дворянства было, по мнению Дидро, средством предотвратить общественные потрясения и, в частности, дворцовые перевороты³¹.

Левек тоже предупреждал об опасности социальных выступлений. Высказывания историка по этому поводу можно прочесть еще в его философском труде «Человек нравственный» (1775 г.)³². Они перешли без изменения в четвертое издание этого произведения 1784 г., что свидетельствует о неизменности позиции автора по данному вопросу: «Пусть к несчастьям приготовятся народы, которые поднимаются против власти, которая над ними господствует!.. Несравнимо больше крови было пролито от мятежей народов, чем от тирании правителей»³³.

Эти размышления были подкреплены пережитым страхом развернувшихся во Франции революционных событий. Еще французский исследователь хорошо помнил уроки русской истории: страницы прошлого «вольнлюбивого» Новгорода Великого послужили ему в этом примером³⁴. Левек вынужден был признать, что «республиканские устремления» порой ведут к опасному безначалию. Как наставлял историк, «какой бы ни была власть, которая руководит народами, ... пусть они покорятся той форме правления, которая существует. Если последняя справедлива, ... общество счастливо»³⁵.

Дидро высказывался о необходимости построения идеальной государственной системы, основанной на законодательстве, ограничивающем деспотизм верховной власти, исключающим возможность злоупотребления монархом властными полномочиями. «Законы, вверенные одному человеку и подверженные влиянию всех его страстей и капризов, превращаются в ничто, и последствия этого губительны»³⁶, – писал он. Левек, со своей стороны, видел в законодательстве один из возможных рычагов цивилизации, считая его основным инструментом в руках просвещенного монарха.

Левек настойчиво опровергал созданную Вольтером славу Петра как создателя свода законов, «которого никогда не существовало». Не случайно в среде близких к Дидро авторов возник спор о существовании «кодекса» Петра³⁷. Французский историк смог проследить формирование русской законодательной системы от самых ранних «законов Русских X века» вплоть до собрания специальной (Уложенной. – Э.И.) комиссии Екатерины II для оформления «нового кодекса законов».

П.-Ш. Левек с большим вдохновением воспринял пропагандируемую Екатериной II преобразовательную политику. Первые издания его «Истории» (1782, 1783) переполнены надеждами на то, что Россия, наконец, заполучила просвещенного монарха. Изначальные представления историка о появлении новых учреждений формировались согласно тексту составленного императрицей «Наказа». Ознакомившись с его первоначальным вариантом, начертанным рукой самой императрицы, Левек высказал комплиментарное мнение в отношении Екатерины, которая стремится «к достижению наиболее высокой степени возможного счастья»³⁸ для народа.

В окончательной оценке Левеком царствования императрицы события пропускались через призму моральных принципов человека эпохи Просвещения, обозначались основные болевые точки недавних преобразований императрицы. Французским автором были выявлены несоответствия между просветительскими замыслами императрицы и реальными результатами её реформаторской деятельности, а также отмечены неутешительные итоги последнего периода её царствования³⁹.

Показав положительно начатую преобразовательную политику императрицы, «которая... отказывается от деспотизма и вручает избранныкам нации наиболее важные сферы управления»⁴⁰, Левек верил в дальнейшее постепенное утверждение в России конституционных органов. Большие надежды историк связывал с деятельностью «Уложенной комиссии» и понятно, какое разочарование он испытал, когда в 1768 г. под предлогом войны с Османской империей комиссия была распущена. Быстрое фактическое пресечение деятельности этого прогрессивного института,

так и не выполнившего своей формальной задачи, оказалось для историка своеобразным рубиконом. Левек вынужден констатировать, что созданные в реальности прогрессивные учреждения, так эффектно представленные в «Наказе» и «столь красивые в умозрительном построении», сделали впоследствии «много зла на практике»⁴¹. Увеличение административно-бюрократического аппарата, не исполнявшего в должной мере возложенных на него функций, привело в результате к огромным злоупотреблениям со стороны принявших «безграничную власть». Левек отмечал резкое возвышение дворян по сравнению с другими условиями, расширение их полномочий в местных и центральных органах власти, дарование им особых привилегий. В конечном итоге на примере преобразований Екатерины II Левек должен был констатировать неготовность российской нации к введению передовых институтов западного общества⁴².

Дидро верил в добрые намерения Екатерины II, но представлял, насколько трудна их реализация в существующих условиях. Распространенное у советских историков мнение, что Дидро имел иллюзорное представление о ситуации в России и уверовал в «просвещенный абсолютизм» Екатерины, не выдерживает критики. Видя причину в изначальном неверном подходе Петра I к организации просвещения в России, Дидро обращал внимание Екатерины II: «Прежде чем стремиться выстроить здание, надо заложить основы». Россия, по мнению Дидро, до сих пор, следовала обратному. «У нее уже давно есть Академия и различного рода Школы... Но для какой реальной пользы они были в России? Никакой... несмотря на лучшие намерения и многочисленные расходы, Россия, до сего дня, еще не образовала тот класс людей, который называем третьим сословием...»⁴³. Левек, со своей стороны, верил в его существование в России, констатируя: «Я повсеместно вижу, что наибольшее количество ученых и литераторов вышло из третьего сословия, часто из бедности...»⁴⁴. При всем этом Левек вынужден был признать, что «третье сословие незначительно в России», но возлагал надежды на его расширение, связывая с ним будущее страны.

Дидро признавал существование в России «класса свободных людей», но, даже используя русский термин – «однородцы», что, возможно, было результатом его бесед с императрицей, он, тем не менее, отказывался признать существование в России настоящего третьего сословия, как хотела представить это Екатерина II, называя среди классов русского общества «жителей городов, единственно имеющих право торговать». Философ настоятельно советовал Екатерине II способствовать созданию третьего сословия⁴⁵. Осознавая то, что большая часть русского населения костенеет в невежестве и предрассудках, он настоятельно пропагандировал открытие новых школ, воспитание молодежи в духе свободы и

просвещения. Размышления Дидро о способах улучшения образования в России были частью концепции цивилизации России⁴⁶, вследствие этого предлагалось упрощенное объяснение уже намеченному плану «цивилизации»: «Все блага и все беды общества происходят от хорошего или от плохого воспитания»⁴⁷.

Можно ли говорить о влиянии идей Дидро на восприятие исторического опыта «цивилизации» России его современниками? Концепция Дидро разрабатывалась в обстановке постоянного обмена идеями в кругу друзей и единомышленников. Став историком России, Левек испытал определенное влияние взглядов Дидро, чему способствовал не только высокий авторитет философа в научном и литературном мире, но и усилившиеся в конце XVIII в. поиски новых способов осмысления истории и национальной идентичности. Французский историк во многом разделял выдвинутую Дидро стройную концепцию цивилизации России, предусматривающую реформирование её институтов и общественного устройства. Но, кажется, В.А. Сомов преувеличивал, указав на «Историю» Левека как на пример «конкретного воплощения планов Дидро по цивилизации России»⁴⁸. Концепция Дидро была не просто воспринята Левеком, но уточнена и развита в его «Российской истории».

Взгляд Левека на перспективы цивилизации России был более оптимистичным, чем у Дидро, который выстроил свою концепцию по контрасту с реальным историческим опытом России XVIII в., сожалея о недостаточном знании реалий и специфики русской жизни. Более глубокие и конкретные знания истории России и её современности, полученные Левеком, а также симпатия к русским людям обосновывали искреннее желание историка видеть эту страну в будущем процветающей, цивилизованной во главе с просвещенным монархом. Несмотря на близость суждений мыслителей по вопросам «цивилизации» России, Левек представлял собственную картину исторической действительности, а главное, своё видение будущего России.

Примечания

- 1 См.: Дидро Д. Собрание сочинений. Т. X: Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947; Diderot. Oeuvres. T. 3. Politique / Éd. Laurent Versini. Paris: Robert Laffont, 1995. Dulac G. Diderot et la «civilisation» de la Russie // Colloque international Diderot (1713–1784). Actes réunis et préparés par Anne-Marie Chouillot. Paris, 1985. P. 161–171; Idem. Diderot et le «mirage russe»: quelques préliminaires à l'étude de son travail politique de Pétersbourg // Le Mirage russe au XVIII siècle / Éd. S. Karp et L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 149–192; Idem. Quelques exemples de transferts européens du concept de «civilisation» (1765–1780) // Les equivoques de la civilisation. Montpellier, 2005. P. 106–135; Мезин С.А. П.-Ш. Левек, Н.Г. Леклерк, Д. Дидро и «цивилизация» России // Первый кадетский корпус во дворце Мен-

- шикова; К 275-летию со дня основания: Материалы науч. конф. Тр. гос. Эрмитажа. Т. XXXVII. СПб., 2007. С. 106–113; *Он же*. Русские контакты Д. Дидро: эволюция исследования проблемы // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 36–49.
- ² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Nouvelle edition. Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 5, 6.
- ³ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 4. P. 155.
- ⁴ *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 59–60.
- ⁵ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 236.
- ⁶ *Ibid.* P. 248.
- ⁷ *Levesque P.-Ch.* L'Homme pensant, ou essai sur l'histoire de l'esprit humaine. Amsterdam, 1779. P. 137.
- ⁸ *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 511; *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 423.
- ⁹ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Т. 5. P. 155.
- ¹⁰ См.: *Goggi G.* Diderot et la Russie : quelques remarques sur une page de la première édition de l'«Histoire des deux Indes» // L'Encyclopédie, Diderot, l'esthétique. Mélanges en hommage à Jacques Chouillet (1915–1990). Paris, 1991. P. 99–112.
- ¹¹ См.: (*Reynal G.-T.*) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. Т. 2. P. 204–205.
- ¹² См.: *Годжи Д.* Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 226.
- ¹³ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 508–511.
- ¹⁴ (*Reynal G.-T.*) Histoire philisophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Paris, 1794. Т. 3. P. 159–160.
- ¹⁵ *Diderot D.* Correspondance. Paris, 1966. Т. III. P. 161.
- ¹⁶ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 248, 279.
- ¹⁷ *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 145.
- ¹⁸ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Т. 5. P. 137.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 138.
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Ibid.* P. 137.
- ²² *Ibid.* P. 141–142.
- ²³ *Levesque P.-Ch.* L'Homme pensant. P. 133.
- ²⁴ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 137.
- ²⁵ (*Reynal G.-T.*) Histoire philisophique. 1770. Т. 2. P. 204–205.
- ²⁶ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. Т. 5. P. 138.
- ²⁷ *Ibid.* P. 146.
- ²⁸ См.: *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 143–144.
- ²⁹ См.: *Diderot.* Oeuvres. Т. III. P. 317.
- ³⁰ *Ibid.* P. 236–237.
- ³¹ *Ibid.* P. 273–274.
- ³² См.: *Levesque P.-Ch.* L'homme moral ou l'homme considéré tant dans l'état de pure nature que dans la société. Amsterdam, 1775. P. 53–55.
- ³³ *Levesque P.-Ch.* L'homme moral, ou les Principes des Devoirs suivis d'un Aperçu de la Civilisation, chez de Bure – l'aîné. Paris, 1784. P. 53–54.
- ³⁴ См.: *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 2. P. 123–127, 324–328.
- ³⁵ *Levesque P.-Ch.* L'homme moral. 1784. P. 55.
- ³⁶ *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 150.
- ³⁷ См.: *Levesque P.-Ch.* Lettre sur la Russie, adressée à M. Rousseau // J. encyclopédique. 1784. Т. 3. P. 500–504.
- ³⁸ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 390; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 47.
- ³⁹ См.: *Ильиченко Э.В.* Французский историк П.-Ш. Левек о Екатерине II // Новый век: история глазами молодых. Саратов, 2008. С. 111–119.
- ⁴⁰ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 394; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 51.
- ⁴¹ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 395; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 52.
- ⁴² *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 395; *Idem.* Histoire de Russie. 1812. Т. 6. P. 52.
- ⁴³ *Diderot D.* Mélanges et morceaux divers. P. 352–353.
- ⁴⁴ *Levesque P.-Ch.* Histoire de Russie. 1800. Т. 5. P. 147.
- ⁴⁵ См.: *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. X. С. 239–240.
- ⁴⁶ См.: *Мезин С.А.* П.-Ш. Левек, Н.Г. Леклерк, Д. Дидро и «цивилизация» России... С. 109.
- ⁴⁷ *Diderot D.* Mélanges et morceaux divers. P. 354; *Dulac G.* Diderot, éditeur des Plans et statuts des établissements de Catherine II // Dix-huitième siècle. 1984. № 16. P. 333.
- ⁴⁸ *Сомов В.А.* П.-Ш. Левек – протеже Дидро и историк России // Отношения между Россией и Францией (в XVIII–XX вв.): История науки и международные связи. М., 2002. С. 80.